

«ЧЕЧНЯ — НЕ ГАИТИ», — предостерегает Анатолий Приставкин

Рн. обозрение. — 1994. — 27 дек. 12, 12.

Но «одиноким голосом человека» в коридорах власти пока не услышан...

В метро «Китай-город» идет сбор подписей под воззванием президенту Ельцину: «Отбросить амбиции, вывести войска из Чечни, начать переговоры!» Место, видимо, выбрано не случайно: здесь, на Старой площади, в бывших цеховских коридорах, и рождается большая российская политика, то и дело повергающаяся или в недоумение, или в трепет полстраны. Рядом, за кремлевскими стенами, — президент-«окруженец» со своими бородатыми и седовласыми консультантами и помощниками (что за термин такой, ранее неизвестный в мировом политическом сленге — «ближайшее окружение президента»!).

Здесь же, в этих коридорах власти, — кабинет председателя Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, писателя Анатолия Приставкина. Автора пронзительной книги о судьбе гонимых войной детей, втянутых в трагический водоворот сталинского «переселения народов». Книжки, учившей доброте и милосердию. Но не научившей ничему тех, кто ныне у власти...

— Анатолий Игнатьевич, так чем же, по-вашему, является нынешняя военная акция против Чечни: шагом, необходимым для сохранения целостности России, или очередным раундом борьбы за власть под кремлев-

ским ковром?

— Целостность России надо было защищать три года назад, когда кризис в Чечне только назревал. Нынешняя же кавказская политика Кремля, по моему глубокому убеждению, — отражение большой и грязной политической игры. Инициаторы же самого вторжения — в большей степени военные, чем гражданские, и в большей степени беспринципные политики, чем здравомыслящие люди.

Генералы показывают зубы. Они накопили много энергии, они жаждут вырваться на сцену большой политики. Страстно мечтают о героических звездах и прочих цацках, желают почестей триумфаторов...

Не лучше и некоторые штатские «генералы»: думцы, позировавшие на фоне мальчиков, плененных в Чечне, мне не менее отвратительны, чем улыбка Грачева, утверждавшего тогда же на весь мир: «Российских солдат в Чечне нет!»

Их много, тех, кто стремится половить рыбку в мутной — кровавой! — воде конфликта. О том, что происходит — трагедия не только для Чечни, но и для всей России, никто не задумывается.

— Вы — член президентской комиссии. Можно сказать, находитесь в непосредственной близости к власти. В то же время вас знают и уважают в Чечне, на Северном Кавказе. Пытались ли вы предпринять что-либо все эти годы назревания кризиса?

Что предпринимаете сейчас?

— Комиссия по помилованию — довольно странное образование в административных коридорах. Составляющие ее творческие люди дистанцированы от президентского аппарата. И моя писательская, общественная жизнь никак не соприкасается с моей «чиновничьей» деятельностью, которая, впрочем, вполне нравственна: читать уголовные дела и миловать осужденных.

Мое общение с президентом касается только рассмотренных дел. Контакты с Филатовым также ограничены деятельностью комиссии... Но как писатель, как человек я выступаю в прессе, на телевидении, на радио «Свобода»; вместе с Ф. Искандером и рядом других писателей подписал адресованное Ельцину письмо, в котором идет речь об опасности разрастания конфликта на Северном Кавказе.

А ранее, на самых истоках «чеченского вопроса» — во время драматических событий вокруг «разграничения» Чечни и Ингушетии, предлагал «верхам» свое посредничество. Отказали: «Рано».

Теперь, возможно, уже поздно.

Впрочем, на днях Борис Николаевич предложил мне войти в состав Наблюдательной комиссии по Чечне. Я согласился. Может быть, удастся хоть что-то сделать. Если же эта комиссия — лишь прикрытие творящихся

на Кавказе бесчинств, я тут же из нее выйду.

— Однозначную поддержку акция по «усмирению» Чечни получила только у крайне правых: Жириновского, Лимонова, Баркашова. Похоже, что власть дрейфует вправо?

— Боюсь, что так. Играют мускулами генералы. Исподволь вводится цензура: создается какой-то немислимый еще вчера «временный информационный центр», идут «наезды» на НТВ, газеты, имеющие позицию, отличную от официальной. Видите — им уже требуется единомыслие! Эти бесконечные сетования на «необъективность» прессы — а где они видели прессу объективную? Но из сотни необъективных мнений складывается объективная картина — это и есть свобода слова.

Следующий шаг — создание новой, «президентской», «Правды», нового ЦК, а при нем отдела по печати...

Печать «необъективна», а объективны Грачев со своим беспрерывным враньем и возрожденная программа «Время» (возвращение к «советскому» названию информационной программы именно сейчас очень символично!), в которой озвучиваются победные реляции «временного информационного центра», — и ни слова о гибнущих мирных жителях, о бесчинствах армии...

(Окончание на стр. 12).

(Окончание. Начало на стр. 2).

Стыдно все это слышать. Стыдно жить — говорить о погоде, ходить на презентации, когда где-то убивают ребятшек — и русских, и чеченцев. А в Москве — то банкет по случаю юбилея «МК», то вручение премий Букера и «Ники» — вроде бы ничего не происходит.

Не могу, никак не могу понять, почему молчит наша интеллигенция — совесть нации? Нас, подписавших письмо о гибельности ввода войск в Чечню, всего несколько человек. Неужели образ врага-чеченца нам навязали настолько крепко, что все и в самом деле бояться этой несчастной нации с поломанной судьбой?

Несколько лет подряд талдычили про чеченскую мафию. И никто не задумался: не мы ли сами ее сотворили? Сперва пустили целый народ по миру. Осознав, вернув их на землю предков, не очень опекали. А ведь, приехав из ссылки, они палаточки ставили во дворах — своих, но ставших чужими за десятилетия изгнания! От нищеты и безысходности они шли работать по России. И хорошо работали — я видел их на Усть-Илиме. Ну, а те, кто не захотел работать, пошли воровать. От беспризорности, неприкаянности и бедности куда им было деваться?

А мы просто приклеили клеймо «мафия» на целый народ. Чем не сталинская политика!

Сам я по рождению смолянин. Знаю: заговори с любым моим земляком, и разговор неизбежно придет к войне — так она перепачкала всех и вся.

Точно так же Чечня «ранена» сталинской депортацией. Кто постарше, сам пережил ее, у молодых — отец, дед, мать прошли выселение и ссылку... В 1989 году в Чечне шли съемки фильма по моей повести. В последний день съемок пришли ко мне два молодых чеченца. Группа уже сидела на чемоданах, но режиссер фильма Саламбек Мамиев настоял, чтобы я принял парней: «Они двенадцать часов ждали, чтобы спеть тебе одну песню...» Она оказалась не горькой, а похожей на русскую по мелодии, да и пели они по-русски. Но речь в ней шла о чечен-

це, возвращающемся из ссылки. Вагон, ожидание родины... И его спрашивают: «Что же ты везешь, чеченец, в таких громадных чемоданах? Что смог нажить там, куда сослали твой народ?» И он отвечает: «Везу кости тех, кто не дожид до возвращения, чтобы предать их родной земле»...

Та поездка была для меня трудной, боялся, сердце не выдержит, ведь все, что выпало на долю героев «Тучки», довелось пережить и мне. А там — ну ничего не изменилось с тех времен, практически ничего не восстановлено после войны и депортации. Консервный завод в Серноводске (в повести Кавказские Воды) точно такой же, как был, я наощупь нашел кладовку, которую мы, детдомовцы, обокрали...

Это была поразительная поездка! Помню долгие беседы с седобородыми старцами, фантастические застолья, устраиваемые в каждом селении, где бывала киногруппа. Бесчисленные тосты за дружбу с русским народом — он никогда не иденти-

фицировался с теми, кто убивал и выселял их... В моей книге они видели некое искупление совершенных на их земле преступлений.

— Тем не менее большинство населения республики поддержало курс Дудаева на отделение от России.

— Я пробовал это для себя объяснить. Чеченцы — очень гордый народ. Все их песни, ритуалы проникнуты мечтой о свободе. Ермолов, Шамил, кавказская война — не история, а личная жизнь каждого чеченца. Нельзя не понимать этой особенности.

И еще. Чеченцы ужасающе бедны. В домах неприкрытая нищета. Ключок земли там стоит миллионы. Ведь ее, земли, очень мало: узкие долины меж гор. А еще во время войны с партизанами в послевоенные годы были выделены «буферные зоны» между селениями и горами. Они заросли лесом и пустуют до сих пор.

Помню разговор с молодым чеченцем: он женился, нужно хотя бы две сотки земли — построить дом, разбить виноградник.

Но нет денег — и он вынужден ехать в Россию на заработки. «Земля у нас дороже жизни», — сказал он. Я смотрел на его руки — скрюченные от непосильного труда, они были узловатые, как коряжки...

Разве для них, таких, как он, работа, важно, кого поддерживать? Ему нужен клочок земли, а политика его вовсе не интересует. Но если ему скажут: опять идут русские, опять будет депортация, — он возьмет автомат и будет стрелять. Выхода у него нет — мы целый народ загнали в тупик.

Однажды в Болгарии слышал горькую шутку: «Если в своем дворе увидишь танк, не удивляйся — это русский старший брат приехал к тебе в гости». В самом деле, старший брат здорово проехался по многим сопредельным дворам: от Кавказа до Венгрии и Чехословакии. Память об этом жива, и нынешняя агрессия будет у многих пробуждать чувства ненависти и возмущения.

— Как же, по-вашему, развернутся события? Что ждет

27 ДЕКАБРЯ 1994 Г.

Россию «после Чечни» и Чечню в России?

— Не знаю... Ведь еще есть возможность остановиться. Если будет мир, пусть самый плохой, — тогда сможем строить демократию, тогда можно о чем-то мечтать. Война же обернется трагедией и для Чечни, и для России. Новая милитаризация страны, по подсчетам экспертов, поглотит четверть государственного бюджета. Значит, снова голод, карточки. В Россию вновь будут присылать гробы, что неизбежно вызовет возмущение населения, требования мести за погибших. Цепная реакция насилия... В результате к власти в стране могут прийти любые авантюристы — как справа, так и слева. Не исключая и «генеральский» путь.

А солдатики наши — сотни и тысячи губошлепов, которых там научат убивать?

Сибиряки знают: самое страшное в тайге — медведь-шатун, попробовавший чело-вечей крови. На такого зверя, если объявится, идут всем селом, ибо знают, что остановить его может только смерть.

Чуть ли не в каждом уголовном деле, разбираемом нашей комиссией — а это страшные, расстрельные дела, — фигурируют афганцы. Им, попробовавшим крови, неприкаянным, не пригретым, часто одна дорога — в «уголовку», в преступный мир. Один раз мы уже чуть не целое поколение «воспитали» Афганом — мало, надо еще тысячи детей на кровь натаскать, как сибирского медведя-людоеда!

— Все, что вы говорите, ясно каждому здравомыслящему человеку. Об этом говорят в Думе, пишут независимые журналисты... Президент не понимает этого — или не хочет понять?

— В окружении всех этих кремлевских «консультантов» от партии войны» может и впрямь не понимать. Хорошо, если он услышит трезвые голоса. Хорошо, если поймет: Чечня не Гаити. Молниеносной акции, способной поднять престиж власти, не будет. А война на Кавказе — при любом ее исходе — приведет в тупик и его, президента, и с таким трудом завоеванную демократию.

Беседу вел Владимир ЮДАНОВ.

«ЧЕЧНЯ — НЕ ГАИТИ»...

